

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕСМЕШНИК СОВЕТСКОГО ХАМСТВА

10 августа — 100 лет со дня рождения Михаила Зощенко

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Столетие Михаила Зощенко — дата почти что неправдоподобная. Трудно представить себе столетнего Зощенко. О нем нельзя сказать, что он был человеком своего времени. Нет, он был пересмешиком времени, в котором жил, не принимая его, отторгая всем естеством нового уже не грядущего (по Мережковскому), а пришедшего (по Зощенко) советского хама.

Ужасающие подробности советского быта, которые многим казались тогда «пережитками капитализма», оказались для нашего Отечества вечными. Вот уже и социализм миновал, и рыночная экономика наступила, а в больнице, не дай Бог что случись, вас будут лечить не по Чехову, а по Зощенко. Вымоют на «обмывочном пункте» в грязной ванне, а заодно и простудят окончательно. И в бане моют по-прежнему, по Зощенко, с бирочкой на ноге, дабы тазик не унесли. А бессмертная лужа, где всех трясло и било током, кроме милиционера, она ведь под каждым окном разливается, зацветает. Ну а знаменитая тяжба жильцов с Музеем-квартирой А.С. Пушкина — это ведь бессмертная тема. Музеи выбрасывают на улицу, поджигают, отдают под коммерческие структуры — и это все у Зощенко описано еще в 20-е годы.

В отличие, скажем, от Салты-

кова-Щедрина Зощенко не был сатириком. Он не бичевал нравы и не смеялся над теми, кто вызывает смех. Даже трогательное есть что-то в рассказе о человеке, пригласившем даму в театр и пересчитывающем в кармане копейки. Голодная дама, жадно поглощающая пирожные, и ее кавалер, в отчаянии возопивший «Ложь везд», — это ведь монумент эпохи, начавшейся в 1917-м и до сих пор не ушедшей.

Немногие знали, что автор этих грустных и смешных историй — герой первой мировой войны, отравленный ипритом георгиевский кавалер. Однако больше всего этот бесстрашный человек боялся голода. Он описал свой страх в напечатанной лишь после его смерти «Повести о разуме».

Должен сказать, что этот страх был отнюдь не эфемерным. Уже в 70-х годах тогдашний заведующий кафедрой советской литературы Литературного инсти-

тута В.П. Друзин с гордостью рассказывал нам, аспирантам, как он «ставил на довольствие Зощенко и Ахматову». Его, комманданта Берлина, после войны вызвал лично Сталин и поручил разгромить журнал «Звезда», где угнездился страшный враг Зощенко.

Тогда, в послевоенные годы, многим казалось, что былой кошмар кончился. Победа объединила всех. Не тут-то было. Последовал разгромный доклад Жданова, где мальчиками для битья были выбраны Зощенко и Ахматова.

До самой хрущевской оттепели Зощенко оказался в опале, а что это значило в то время, сегодня, к сожалению, помнят немногие. Это телефон, который замолкает навсегда, потому что даже друзья боятся звонить. Это вздрагивание от шагов на лестнице, от шума проезжающих машин, потому что в любую минуту могут арестовать. Это постоянная угроза умереть с голоду, потому что даже какую-нибудь советскую халтуру могут напечатать только по согласованию с идеологическим отделом ЦК. Опальный в те годы — это эзк на свободе.

Зощенко продолжал писать

теперь уже навсегда в стол, зная, что в случае ареста любую из рукописей можно было спокойно приобщить к делу как весьма существенную улику.

*Пищи сладкой, пищи вкусной
Даруй мне, судьба моя, —
И любой поступок гнусный
Совершу за пищу я.*

*В сердце чистое нагажу,
Крылья мыслям острогу,
Совершу грабеж и кражу,
Пятки вылижу врагу!*

Эти стихи одного обнищавшего поэта Зощенко цитирует в своем творческом завещании — «Повести о разуме». Больше всего писатель боялся стать героем такого стиха. Ведь многие, очень многие приняли в те годы этот кодекс бесчестия. Зощенко остался самым собой.

Последняя волна по смертной травли писателя была развернута ура-патриотами в 80-е годы. Onde злобный, не русский, мелкий фельетонист. Тогда же была предпринята попытка реабилитировать, нет, не Зощенко, а пресловутое постановление Жданова, так, кстати, и не отмененное даже в те времена.

Зощенко это повредить уже не могло.